

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES**

УДК 316.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-2-32-47

Кармадонов О. А.¹
Ковригина Г. Д.²

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ФАКТОРЫ МАКРО-,
И МИКРОСОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ
СРЕДЕ**

¹⁾ Иркутский государственный университет, ул. Карла Маркса 1, г. Иркутск, 664003, Россия, karmado@yandex.ru

²⁾ Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова 83, 664074, г. Иркутск, Россия, kowrigina.galina2017@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи личностной психической организации и её социальным экстернизациям. На основании эмпирического исследования подтверждена устойчивая корреляция между уровнем личностной эмпатии и способностью к эмпатическому присоединению к микро-, и макросоциальным структурам. В контексте данных векторов исследованы: 1) Приоритетная социальная идентификация молодежи и особенности макросоциального вектора консолидации, в рамках которых проанализированы уровень личностной эмпатии и приоритетная социальная идентификация; приоритетные нормы общественных отношений в связи с уровнем личностной эмпатии; уровень и направленность эмпатического присоединения к макросоциальным структурам. 2) Уровень и направленность эмпатического присоединения молодежи к микросоциальным структурам, где изучены степень солидарности в рамках сообщества сверстников/ однокурсников; особенности солидарности в рамках семьи как социального сообщества. Полученные данные, в свою очередь, характеризуют и способность личности к формированию больших и малых сообществ, и, тем самым, к групповой солидарности.

Ключевые слова: молодежь; эмпатия; социальная консолидация.

Oleg A. Karmadonov¹
Galina D. Kovrigina²

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE MACRO-,
AND MICROSOCIAL CONSOLIDATION AMONG THE YOUTH**

¹⁾ Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia, karmado@yandex.ru

²⁾ Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia. kowrigina.galina2017@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of interrelation of personal psychic organization and its social exteriorizations. Based on the empirical study, a stable correlation between the level of personal empathy and the capacity for empathic accession to the micro-, and macrosocial structures was established. In the context of these vectors, we investigated: 1) Priority social identification of young people and features of the macrosocial consolidation vector, within the framework of which the level of personal empathy and priority social identification are analyzed; priority norms of social relations in connection with the level of personal empathy; the level and direction of empathic attachment to macrosocial structures. 2) The level and direction of empathic youth adherence to microsocal structures, where the degree of solidarity within the peer / class community has been studied; features of solidarity within the family as a social community. The obtained data, in turn, characterize the personality's ability to form large and small communities, and, thus, to group solidarity.

Key words: youth; empathy; social consolidation

Введение. Человек, как и все высшие приматы (и не только они), известен своими выдающимися способностями к подражанию. Последнее играет ключевую роль при формировании сообществ, обучении, социализации, освоении наиболее

эффективных социальных практик. Недавние открытия нейронауки даже зафиксировали групп у нейронов, названных «зеркальными», обеспечивающих эту замечательную способность – через чувство эмпатии, которая без них была бы

невозможна, и, в свою очередь, делает возможными мораль, нормы, и ценности общего жития.

Благодаря зеркальным нейронам мы способны вчувствоваться в другого, и даже до известной степени уловить строй его мысли в тех или иных эмоционально насыщенных ситуациях. В такие моменты сопереживание включает, как правило, и моторику, в том числе – мимическую. В норме, все высшие приматы «считывают» эмоции друг друга, что является эволюционным достижением, и служит основой социально приемлемого поведения и самой возможности создания малых и больших социальных групп.

Методы. Для прояснения связей между личностной эмпатией и векторами социальной консолидации нами было предпринято прикладное исследование.

Целью исследования являлось: установление возможных связей между уровнем личностной эмпатии и ориентацией личности на вертикальный и горизонтальный векторы социальной консолидации.

Задачи исследования:

- выявить уровень личностной эмпатии в обследованной группе молодежи;

- определить направления приоритетной социальной идентификации, и проанализировать их в связи с выявленным уровнем личностной эмпатии;

- зафиксировать представления о приоритетных нормах общественных отношений, свойственных обследованной группе, и проанализировать их в связи с выявленным уровнем личностной эмпатии;

- определить уровень и направленность эмпатического присоединения к макросоциальным структурам, и проанализировать полученные данные в связи с выявленным уровнем личностной эмпатии;

- определить уровень и направленность эмпатического присоединения к микросоциальным структурам, и проанализировать полученные данные в связи с выявленным уровнем личностной эмпатии.

Методология исследования основана на социально-психологических подходах к социальной солидарности (Л. Моулм, в части её понимания реципрокности, как фактора социальной интеграции [9], Б. Симпсона, К. Ирвина и Т. Макгриммона в части их понимания симпатии, как условия эффективного взаимодействия и интеграции) [6], а также интерпретативных теориях социологической науки (символический интеракционизм, этнометодология, феноменологическая

социология), утверждающих критическое значение социальной кооперации.

Методики конкретных эмпирических исследований включили в себя: методику диагностики личностной эмпатии А. Меграбяна и Н. Эпштейна (Balanced Emotional Empathy Scale – BEES) [8]; «тест двадцати утверждений» (Twenty Statements Test, он же «Кто Я?») М. Куна и Т. Макпартленда [7]; интерпретативную методику (ситуационный анализ) Э. Фромма и М. Маккоби [4]; методику равновероятных триумфов [1]; методику исследования социальной эмпатии.

Выборка: были обследованы четыре студенческие группы 1-3 курсов, обучающихся в Иркутском государственном университете. Всего в исследовании приняло участие 90 человек, из них 40 мужчин и 50 женщин. Возраст: 17-20 лет. Исследование осуществлено в октябре-ноябре 2016 г.

Результаты.

Приоритетная социальная идентификация молодежи и особенности макросоциального вектора консолидации.

Уровень личностной эмпатии и приоритетная социальная идентификация.

При обследовании с помощью методики А. Меграбяна, было установлено, что высоким уровнем эмпатии в обследованной аудитории обладают 10% юношей и 34% девушек. Средний уровень личностной эмпатии продемонстрировали 70% юношей и 60% девушек, и обладателями низкого уровня эмпатии оказались 20% респондентов мужского пола, и 6% – женского (табл. 1). Таким образом, в целом, большинство респондентов демонстрируют средний уровень личностной эмпатии. Обращает на себя внимание и очевидный половой диспаритет в обладании данным качеством – по сравнению с юношами, девушки в большей степени склонны к высокому уровню эмпатии, и в меньшей – к низкому.

Таблица 1

Уровень личностной эмпатии по половым группам (по А. Меграбяну и Н. Эпштейну) (в %)

Table 1

The level of personal empathy by sex (according to A. Megrabyan and N. Epstein, %)

Уровень эмпатии	М	Ж
высокий	10	34
средний	70	60
низкий	20	6

Эмпатия и степень солидарности измеряются различными способами [см., напр.: 2; 3]. Одним из наиболее надежных является, на наш взгляд, исследование через идентификационные векторы – особенностей и направленности процессов идентификации, присущих членам общества. Люди

обычно склонны идентифицировать себя с другими людьми, структурами, институтами, сообществами, в отношении которых испытывают устойчивое позитивное эмоциональное переживание. При определении приоритетной социальной идентификации, призванной ответить на вопрос о наиболее привлекательных для консолидации группах, были получены следующие результаты (табл. 2). Приоритетной считалась идентичность, занимавшая в ответах респондентов первые три позиции. Все выявленные социальные идентификации распределены по шкале «абсолютной приоритетности», включающей всего 9 позиций, то есть, по степени убывания упоминаемости (в анкете последняя – 12-я, или 15-я идентификация может занимать в итоговой таблице 8-е или 9-е место).

Таблица 2

Социальная идентификация по абсолютной приоритетности (% и позиция)

Table 2

Social identification by absolute priority (% and position)

Вид идентичности	М	Позиция	Ж	Позиция
Гражданская	30%	6	10%	6
Национальная	20%	7	8%	7
Антропологическая	35%	1	20%	3
Семейно-родственная	45%	4	45%	1
Профессиональная	25%	3	40%	5
Территориальная	15%	8	2%	9
Личностно-индивидуальная	30%	2	50%	4
Гендерная	35%	5	30%	2
Дружеская	10%	9	5%	8

Итак, в ряду первых трех позиций у юношей доминирует антропологическая идентичность («человек», «homo-sapiens», «биосоциальное существо») – 35% респондентов. На втором месте – личностно-индивидуальная идентичность («личность», «индивид») – 30%. На третьем – профессиональная идентичность («студент», «спортсмен», «водитель», и пр.) – 25%.

Остальные ключевые социальные идентификации распределились следующим образом. Семейно-родственная идентичность («сын», «брат», «дядя») – четвертая позиция (у 45% респондентов). Гендерная идентичность («мужчина», «юноша») – пятая позиция (35% опрошенных). Гражданская идентичность («гражданин», «россиянин») расположилась на шестой позиции (30% респондентов). Национальная – на седьмой – 20%. Территориальная («иркутянин», «сибиряк», «братчанин») – на восьмой позиции – 15% опрошенных. Идентификация с группой «друзей»

набрала наименьший вес, и занимает девятую позицию – 10% респондентов.

У девушек первое место заняла семейно-родственная идентичность («дочь», «сестра», «внучка», «племянница», «тетя», «кузина») – 45%. Второе место – у гендерной идентичности – 30%. Третье – у антропологической – 20%. Четвертую позицию занимает личностно-индивидуальная идентичность – 50%. На пятом месте – профессиональная идентичность – 40%. На 6-м – гражданская – 10%, на 7-м – национальная идентичность (8%). Восьмую позицию занимает идентификация дружеская – 5%, и территориальная идентичность расположилась на 9-м месте – всего 2% опрошенных девушек идентифицировали себя с регионом проживания.

Таким образом, макросоциальные идентичности в обеих гендерных группах не занимают приоритетные места. Идентификация, а, значит – консолидация, – с гражданством, национальностью, территорией находятся на последних позициях. Одновременно, сохраняется значимость микросоциальных идентификаций – с семьей, и профессиональной группой.

Посмотрим, как соотносятся между собой выявленные уровни эмпатии и приоритетные идентичности (табл. 3).

Таблица 3

Приоритетная идентификация в сопоставлении с уровнем эмпатии (%)

Table 3

Priority identification in relation to the level of empathy (%)

Вид идентичности	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Гражданская	55	25	10	25	45	30
Национальная	70	20	-	20	25	55
Антропологическая	40	40	20	55	40	5
Семейно-родственная	30	45	25	60	25	5
Профессиональная	35	50	15	45	45	10
Территориальная	10	60	30	70	20	-
Личностно-индивидуальная	50	45	5	50	40	10
Гендерная	60	20	-	15	20	65
Дружеская	-	-	90	-	10	90

Как следует из полученных данных, респонденты-юноши с **высоким** уровнем эмпатии продемонстрировали приоритетную идентификацию по национальному признаку (70% опрошенных в данной подгруппе поставили данную идентичность на одну из первых трех позиций в опроснике «Кто Я?»), а также гендерному (60%), и гражданскому (55%) признакам. Таким образом, высокий уровень личностной эмпатии коррелирует в данной подгруппе с проявленной ориентацией на макросоциальную консолидацию.

Эти результаты несколько отличаются от данных по девушкам. Респонденты женского пола с высоким уровнем эмпатии отдали предпочтение идентичности территориальной (70%), семейно-родственной (60%), и антропологической (55%). Тем самым, в данной подгруппе опрошенных девушек продемонстрировано смещение макросоциальных и микросоциальных консолидационных векторов, с преобладанием ориентации на макросоциальную консолидацию.

Средний уровень эмпатии у юношей сопровождается приоритетной территориальной (60%), профессиональной (50%), и семейно-родственной (45%) идентичностями. Тем самым, в данной подгруппе фиксируется смещение макросоциальной и микросоциальной консолидаций, с преобладанием последней.

То же наблюдается и в подгруппе девушек со средним уровнем эмпатии, где продемонстрированы предпочтения гражданской (45%), профессиональной (45%), и личностно-индивидуальной (40%) идентичности. То есть, средний уровень личностной эмпатии в обеих подгруппах коррелирует как с макросоциальными, так и с микросоциальными векторами консолидации, но с преобладанием последних.

Юноши с низким уровнем эмпатии отдали приоритет идентификации со сверстниками (90%). Характерно, что для девушек этой подгруппы приоритетными также оказались сверстники (90%). Таким образом, низкий уровень личностной эмпатии в обеих подгруппах коррелирует с ориентацией на примордиальную социальную группу друзей и подруг.

Приоритетные нормы общественных отношений в связи с уровнем личностной эмпатии.

Нормативные представления позволяют судить о степени конструктивности мышления членов группы, их готовности к коммуникации и социальной интеграции. Для изучения приоритетных норм была использована методика равновероятных тригонометрических [1].

Исходя из задач исследования, выяснялись нормы-доминанты в таких системах интеракций, как: «отношения между людьми», «отношения между государством и гражданами», «отношения между поколениями». При исследовании первой указанной системы был задан вопрос: «Какие отношения между людьми в обществе являются, с Вашей точки зрения, *нормальными*?». Для их характеристики была предложена пара: «взаимопомощь / каждый сам за себя». Вариант «взаимопомощь» был выбран 70% респондентов-юношей и 60% респондентов-девушек. Соответственно, жестко индивидуалистический вариант «каждый сам за себя» был определен в качестве нормы отношений 30% юношей и 40% девушек (табл. 4).

Таблица 4

Какие отношения между людьми в обществе являются нормальными? (%)

Table 4

What is the normal relationship between people in society? (%)

Норма	М	Ж
Взаимопомощь	70	60
Каждый сам за себя	30	40

После выяснения доминантной нормы, был задан вопрос: «С учетом данного Вами ответа, являются ли отношения между людьми в современном российском обществе нормальными?». Таковыми представляются эти отношения 20% юношей, и 5% девушек. Не считают отношения в современном российском обществе нормальными соответственно 80 и 95% респондентов (табл. 5).

Таблица 5

С учетом данного вами ответа, являются ли отношения между людьми в современном российском обществе нормальными? (%)

Table 5

According to the answer given by you, are relations between people in today's Russian society normal?

Вариант	М	Ж
Да	20	5
Нет	80	95

При сопоставлении уровня личностной эмпатии и зафиксированной нормы-доминанты, было обнаружено, что в качестве приоритетной

нормы «взаимопомощь» выбрали 75% юношей и 76% девушек, продемонстрировавших высокий уровень личностной эмпатии; 82% респондентов мужского пола, и 53% женского – со средним уровнем эмпатии; 25% мужчин и 33% женщин – с низким уровнем личностной эмпатии, что выглядит достаточно непротиворечивым. Логично и то, что норму «каждый сам за себя» в большинстве своем выбрали респонденты с низким уровнем личностной эмпатии – 75% юношей и 67% девушек (табл. 6) (в скобках приводится число респондентов).

Таблица 6

Нормальные отношения между людьми в сопоставлении с уровнем эмпатии (% и число респондентов)

Table 6

Normal relations between people in comparison with the level of empathy (% and number of respondents)

Норма	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Взаимопомощь	75 (3)	82 (23)	25 (2)	76 (13)	53 (16)	33 (1)
Каждый сам за себя	25 (1)	18 (5)	75 (6)	24 (4)	47 (14)	67 (2)

Таким образом, в отношении доминирующей (в сознании!) нормы общественных отношений – «взаимопомощь» наблюдается известный консенсус – уровень личностной эмпатии респондента практически совпадает с нормой-доминантой. Высокий и средний уровни эмпатии корреспондируют с конструктивной и интегративной нормой «взаимопомощь», в то время как низкий уровень личностной эмпатии явно соотносится с деструктивной и дезинтеграционной нормой «каждый сам за себя». Характерно и то, что норма «взаимопомощь» определяется, скорее, как должное, нежели как сущее – реальность довольно серьезно расходится с этой нормативной установкой, которая, одновременно, сохраняет свою устойчивость и привлекательность. Другими словами, взаимопомощь всё ещё является нормой отношений между людьми для большинства наших респондентов. Соответственно, текущее положение дел в данной системе общественных отношений воспринимается в качестве не нормального, то есть, молодые люди признают, что в реальных отношениях доминирует антитеза – принцип «каждый сам за себя». Налицо явное

рассогласование между нормой в коллективных представлениях и социальной фактичностью.

При исследовании системы отношений между государством и гражданами, было предложено выбрать из пары: «граждане должны обладать возможностью влиять на государственную политику / влияние граждан на государственное управление - необязательно». Выяснилось, что норму влияния граждан на государственную политику выбрали 65% юношей и 74% девушек-респондентов. Альтернативную норму выбрали соответственно 35 и 26% опрошенных (табл. 7).

Таблица 7

Какие отношения между государством и гражданами являются нормальными? (% и число респондентов)

Table 7

What relations between the state and citizens are normal? (% and number of respondents)

Норма	М	Ж
Граждане должны влиять на государственную политику	65	74
Влияние граждан на госуправление не обязательно	35	26

После фиксации доминантной нормы, был задан вопрос: «С учетом данного Вами ответа, являются ли отношения между государством и гражданами в сегодняшнем российском обществе нормальными?». Утвердительно на этот вопрос ответили только 15% юношей и 20% девушек. Соответственно, 85 и 80% респондентов не считают отношения между гражданами и государством в сегодняшнем отечественном социуме нормальными (табл. 8).

Таблица 8

С учетом данного вами ответа, являются ли отношения между людьми в сегодняшнем российском обществе нормальными? (%)

Table 8

According to the answer given by you, are relations between people in today's Russian society normal? (%)

Вариант	М	Ж
Да	15	20
Нет	85	80

При сопоставлении доминирующей нормы и личностного уровня эмпатии выяснилось, что среди сторонников влияния граждан на государство явно преобладают респонденты с высоким и средним уровнем личностной эмпатии. У юношей этот показатель составил 75% с высоким и 75% со средним уровнем эмпатии. У девушек – 82% с высоким и 73% со средним уровнем эмпатии (табл. 9).

Таблица 9

Нормальные отношения между государством и гражданами в сопоставлении с уровнем эмпатии (% и число респондентов)

Table 9

Normal relations between the state and citizens in comparison with the level of empathy (% and number of respondents)

Норма	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Граждане должны влиять на государственную политику	75 (3)	75 (21)	25 (2)	82 (14)	73 (22)	33 (1)
Влияние граждан на государственное управление не обязательно	25 (1)	25 (7)	75 (1)	18 (3)	27 (8)	67 (2)

Большинство респондентов, которые сочли влияние граждан на государственную политику «не обязательным» продемонстрировали низкий уровень эмпатии (75% у юношей, и 67% у девушек). Тем самым, конструктивной нормой «граждане должны влиять на государственную политику» отдают предпочтение молодые люди, демонстрирующие развитую способность к эмпатии, в то время как приверженцами альтернативной нормы оказались респонденты с низким развитием способности к сопереживанию.

При исследовании отношений между старшим и младшим поколениями была предложена пара: «преемственность и взаимное уважение / достаточно простого уважения старших». Первую – «конструктивную» – норму выбрали 60% респондентов мужского пола, и 70% – женского. Считают, что преемственность не обязательна, и достаточно «простого уважения старших» соответственно 40 и 30% опрошенных молодых людей (табл. 10).

Таблица 10

Какие отношения между старшим и младшим поколениями в обществе являются нормальными? (%)

Table 10

What is the normal relationship between the older and younger generations in society? (%)

Норма	М	Ж
Преемственность и взаимное уважение	60	70
Достаточно простого уважения старших	40	30

Не рассматривают сложившиеся в современном российском обществе отношения между поколениями как нормальные 90% опрошенных юношей и 80% девушек (табл. 11).

Таблица 11

С учетом данного вами ответа, являются ли отношения между старшим и младшим поколениями в современном российском обществе нормальными? (%)

Table 11

According to the answer given by you, are the relations between the older and younger generations in today's Russian society normal? (%)

Вариант	М	Ж
Да	10	20
Нет	90	80

При сопоставлении зафиксированных норм с уровнем эмпатии, выяснилось, что норма «преемственность и взаимное уважение» представляется приоритетной для 50% юношей с высоким уровнем и для 64% - со средним уровнем личностной эмпатии. У девушек этот же показатель составил соответственно 88 и 63%. Необязательность преемственности очевидна по преимуществу для респондентов с низким уровнем эмпатии – 50% юношей и 67% девушек выбрали эту норму в качестве приоритетной (табл. 12).

Таблица 12

Нормальные отношения между поколениями в сопоставлении с уровнем эмпатии (% и число респондентов)

Table 12

Normal relations between generations in comparison with the level of empathy (% and number of respondents)

Норма	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Преемственность и взаимное уважение	50 (2)	64 (18)	50 (4)	88 (15)	63 (19)	33 (1)
Достаточно простого уважения старших	50 (2)	36 (10)	50 (4)	12 (2)	37 (11)	67 (2)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что продемонстрированные уровни высокой и средней способности к эмпатии достаточно отчетливо соотносятся у наших респондентов с конструктивными нормами, важными для социальной интеграции сообщества –

взаимопомощью, как основой взаимодействия между людьми, возможностью граждан влиять на формирование государственной политики, как основой действительного гражданского диалога, преемственностью между старшим и младшим поколениями, как основой целостности историко-социальной ткани общественной жизни. В свою очередь, низкий уровень развития личностной эмпатии сопровождается, в целом, ориентацией на дизъюнктивные, жестко индивидуалистические и социально-равнодушные нормативные установки.

Уровень и направленность эмпатического присоединения к макросоциальным структурам.

Термин «эмпатическое присоединение» (*empathic joining*) был введен в научный оборот американским социальным психологом Эрвином Штаубом, понимавшим под ним особый вид внутригруппового взаимодействия, своеобразную форму эмпатии, возникающую в группе, при которой «эмоциональное заражение выступает как средством для взаимного влияния, так и источником удовлетворения для членов группы» [10, р. 238]. В современной психологии «эмпатическое присоединение» может означать одновременно одну из форм познания человека человеком, один из способов эмоционального реагирования субъекта (реакцию сочувствия), детерминанту поведения человека в системе социального взаимодействия, а также метод психотерапии. См.: [5]. В контексте нашей работы мы будем понимать под данным термином, прежде всего, степень аффективной поддержки личностью явлений макросоциального и микросоциального порядка.

В рамках данного направления исследования нами изучались особенности восприятия и степень эмпатии, проявленные молодыми людьми в отношении макросоциальных феноменов, которые мы ограничили здесь властными структурами: Президент, Правительство, Федеральное Собрание, Губернатор, Законодательное Собрание. Результаты изучения эмпатического присоединения к указанным структурам анализировались в связи с зафиксированными уровнями личностной эмпатии в обследованных группах.

На заданный вопрос «Можете ли вы сказать про действующего Президента РФ: «Это МОЙ президент»? утвердительно ответили 65% респондентов мужского пола и 80% респондентов женского пола. Отрицательные ответы получены соответственно от 35% юношей и 20% девушек (табл. 13).

Таблица 13

Можете ли вы сказать про действующего Президента РФ: «Это МОЙ президент»? (%)

Table 13

Can you say about the current President of the Russian Federation: "This is MY President"? (%)

Вариант	М	Ж
да	65	80
нет	35	20

Характерно, что эмпатическое присоединение к действующему Президенту РФ обнаружили респонденты – носители практически всех уровней личностной эмпатии, но, все-таки, с преобладанием респондентов с высоким уровнем – 75% юношей и 94% девушек. Самая большая подгруппа – обладающих средним уровнем, дала Президенту поддержку 68% юношей и 73% девушек (табл. 14).

Таблица 14

Эмпатическое присоединение к Президенту в сопоставлении с уровнем личностной эмпатии (% и число респондентов)

Table 14

Empathic affiliation with to the President in comparison with the level of personal empathy (% and number of respondents)

Вариант	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высоки й	Средни й	Низки й	Высоки й	Средни й	Низки й
да (МОЙ Президент)	75 (3)	68 (19)	50 (4)	94 (16)	73 (22)	67 (2)
нет (не МОЙ Президент)	25 (1)	32 (9)	50 (4)	6 (1)	27 (8)	33 (1)

Очевидно, что здесь мы имеем дело с известным эффектом – малокритичным, практически иррациональным отношением народа к фигуре, олицетворяющей верховную власть в России. У Правительства РФ результаты уже скромнее. Считают действующее Правительство *своим* 55% юношей и 65% девушек – респондентов (табл. 15).

Таблица 15

Можете ли вы сказать про действующее Правительство РФ: «Это МОЁ правительство»? (%)

Table 15

Can you say about the current Government of the Russian Federation: "This is MY government"? (%)

Вариант	М	Ж
да	55	64
нет	45	36

Аффективную поддержку Правительства проявили респонденты преимущественно с высоким и средним уровнем личностной эмпатии – 75 и 57% соответственно у юношей, и 88 и 57% соответственно – у девушек. Отказали Правительству в эмпатическом присоединении 43% юношей со средним, и 63% – с низким уровнем эмпатии. У девушек этот показатель составил 43 и 100% соответственно (табл. 16).

Таблица 16

Эмпатическое присоединение к Правительству РФ в сопоставлении с уровнем личностной эмпатии (% и число респондентов)

Table 16

Empathic affiliation with the Government of the Russian Federation in comparison with the level of personal empathy (% and number of respondents)

Вариант	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
да (МОЕ Правительство)	75 (3)	57 (16)	37 (3)	88 (15)	57 (17)	-
нет (не МОЕ Правительство)	25 (1)	43 (12)	63 (5)	12 (2)	43 (13)	100 (3)

Если структуры исполнительной власти все-таки пользуются известной аффективной поддержкой у наших респондентов, то с позитивным восприятием законодательной власти все обстоит сложнее. На вопрос «Можете ли вы сказать про действующее Федеральное Собрание (Госдума + Совет Федерации) РФ: «Это МОЙ парламент»? дали утвердительные ответы всего лишь 25% юношей и 40% девушек. Соответственно, отказали российскому парламенту в такой поддержке 75% респондентов мужского и 60% респондентов женского пола (табл. 17).

Таблица 17

Можете ли вы сказать про действующее Федеральное Собрание (Госдума + Совет Федерации) РФ: «Это МОЙ парламент»?

Table 17

Can you say about the current Federal Assembly (the State Duma + the Federation Council) of the Russian Federation: "This is MY parliament"?

Вариант	М	Ж
да	25	40
нет	75	60

Большую часть респондентов, не отказавших российскому парламенту в поддержке составляют молодые люди с высоким уровнем эмпатии – 75%

юношей, и 82% девушек из данной подгруппы. Не расположены к аффективной поддержке высшей законодательной власти респонденты со средним, и с низким уровнем личностной эмпатии – 82 и 75% соответственно у юношей, и 80 и 100% соответственно – у девушек (табл. 18).

Таблица 18

Эмпатическое присоединение к Федеральному Собранию РФ в сопоставлении с уровнем личностной эмпатии (% и число респондентов)

Table 18

Empathic affiliation with the Federal Assembly of the Russian Federation in comparison with the level of personal empathy (% and number of respondents)

Вариант	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
да (МОЙ парламент)	75 (3)	18 (5)	25 (2)	82 (14)	20 (6)	-
нет (не МОЙ парламент)	25 (1)	82 (23)	75 (6)	18 (3)	80 (24)	100 (3)

Ещё меньше эмпатического присоединения демонстрирует обследованная молодежь к региональным властным структурам. Так, считают Губернатора Иркутской области своим только 25% опрошенных юношей, и 34% – девушек (табл. 19). Последнее не столь удивительно, учитывая механизм прихода во власть региональных лидеров, принятый в сегодняшнем российском обществе.

Таблица 19

Можете ли вы сказать про действующего Губернатора Иркутской области: «Это МОЙ Губернатор»?

Table 19

Can you say about the acting Governor of Irkutsk region: "This is MY Governor"?

Вариант	М	Ж
да	25	34
нет	75	66

Аффективная поддержка главе региона преимущественно оказывается со стороны респондентов с высоким уровнем эмпатии – 75% юношей данной подгруппы, и 54% девушек. Носители среднеразвитой личностной эмпатии практически отказали Губернатору в такой поддержке – 79% юношей и 77% девушек данной подгруппы не считают главу региональной исполнительной власти «своим» (табл. 20).

Таблица 20

Эмпатическое присоединение к Губернатору ИО в сопоставлении с уровнем личностной эмпатии (% и число респондентов)

Table 20

Empathic affiliation with the Governor of Irkutsk region in comparison with the level of personal empathy (% and number of respondents)

Вариант	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
да (МОЙ Губернатор)	75 (3)	21 (6)	12 (1)	54 (9)	23 (7)	33 (1)
нет (не МОЙ Губернатор)	25 (1)	79 (22)	88 (7)	47 (8)	77 (23)	67 (2)

Тенденция редукции аффективной поддержки региональных властных структур ещё более усиливается, когда речь заходит о региональном парламенте – Законодательном Собрании Иркутской области. «Своим» считают областной представительный орган только 10% опрошенных юношей, и 28% девушек (табл. 21).

Таблица 21

Можете ли вы сказать про действующее Законодательное собрание Иркутской области: «Это МОЙ Парламент»? (%)

Table 21

Can you say about the current Legislative Assembly of Irkutsk region: "This is MY Parliament"? (%)

Вариант	М	Ж
да	10	28
нет	90	72

В этой связи выглядит вполне логичным, что некоторая поддержка Законодательному Собранию ИО была оказана почти исключительно респондентами с высоким уровнем личностной эмпатии – 50% юношей, и 53% девушек данной подгруппы (табл. 22).

Таблица 22

Эмпатическое присоединение к Законодательному Собранию ИО в сопоставлении с уровнем личностной эмпатии (% и число респондентов)

Table 22

Empathic affiliation with the Legislative Assembly of Irkutsk region in comparison with the level of personal empathy (% and number of respondents)

Вариант	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
да (МОЙ Парламент)	50 (2)	7 (2)	-	53 (9)	13 (4)	33 (1)
нет (не МОЙ Парламент)	50 (2)	93 (26)	100 (8)	47 (8)	87 (26)	67 (2)

Соответственно, респонденты со средним и низким уровнями эмпатии практически отказали региональному парламенту в эмпатическом присоединении – 93% юношей и 87% девушек из подгруппы среднего уровня эмпатии, и 100% юношей и 67% девушек с низким уровнем (табл. 22).

Уровень и направленность эмпатического присоединения молодежи к микросоциальным структурам.

Аффективная поддержка, получаемая и оказываемая индивидом в примордиальных социальных группах, соотносится с ориентацией на консолидацию в рамках горизонтального вектора социальной интеграции. Мы сконцентрировались в своем исследовании на таких микросоциальных структурах, как референтная группа однокурсников, и семья. Были использованы интерпретативная методика Э. Фромма и М. Маккоби (ситуационный анализ), и методика равновероятных трюизмов.

Степень солидарности в рамках сообщества сверстников / однокурсников

Прежде всего, мы попытались выяснить уровень консолидации студенческих групп. С этой целью были заданы вопросы о нормах отношений в группе, о восприятии её отличий от других групп, о характере действий, на которые готовы члены группы для того, чтобы защитить права своего одногруппника.

Вопрос «Какие отношения между студентами одной группы являются нормальными?» сопровождался вариантами (равновероятными трюизмами): «взаимная ответственность / каждый

отвечает только за себя». Коллективистский вариант «взаимная ответственность» выбрали 10% опрошенных юношей и 35% – девушек. Жестко индивидуалистический вариант «каждый отвечает только за себя» оказался более предпочтительным. В качестве нормы он был определен 90% юношей и 66% девушек (табл. 23).

Таблица 23

Какие отношения между студентами одной группы являются нормальными? (%)

Table 23

What kind of relationship between students of the same group is normal? (%)

Вариант	М	Ж
Взаимная ответственность	10	34
Каждый отвечает только за себя	90	66

Обращает на себя внимание, что в этом случае, в отличие от зафиксированных норм-доминант в отношении макроструктур, норм-доминанта практически совпадает с оценкой полноты её воплощения в реальности. «Нормальными» отношения в собственной группе считают 70% юношей и 74% девушек-респондентов. То есть, в качестве нормы обозначен индивидуализм, и большинство опрошенных отмечает торжество этого принципа в их студенческих коллективах (табл. 24).

Таблица 24

С учетом данного вами ответа, являются ли отношения между студентами вашей группы нормальными? (%)

Table 24

According to the answer given by you, are the relationships between the students in your group normal? (%)

Вариант	М	Ж
да («нормальные» отношения)	70	74
нет (не «нормальные» отношений)	30	26

Достаточно предсказуемо норму «взаимная ответственность» выбрали большинство респондентов с высоким уровнем личностной эмпатии – 75% юношей и 82% девушек данной подгруппы. В то же время, решительную поддержку норме «каждый за себя» оказали респонденты со средним и низким уровнями эмпатии – 96 и 100% соответственно у юношей, и 90 и 100% соответственно у девушек (табл. 25).

Таблица 25

«Нормальные» отношения между одноклассниками в сопоставлении с уровнем эмпатии (% и число респондентов)

Table 25

"Normal" relations between classmates in comparison with the level of empathy (% and number of respondents)

Вариант	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Взаимная ответственность	75 (3)	4 (1)	-	82 (14)	10 (3)	-
Каждый отвечает только за себя	25 (1)	96 (27)	100 (8)	18 (3)	90 (27)	100 (3)

Мы предприняли попытку измерить степень групповой консолидации также через интерпретативный метод (Э. Фромм и М. Маккоби), с использованием методики ситуационного анализа. Респондентам была предложена следующая ситуация: «Один из студентов вашей группы принял участие в политическом митинге, на котором звучали призывы оградить учебные заведения от влияния Церкви. Митинг затем был квалифицирован как «экстремистский», и «возбуждающий социальную и религиозную рознь». Его организаторы были подвергнуты уголовному преследованию, а студент вашей группы встал перед угрозой отчисления из университета». Затем предлагалось определиться, какая из реакций на данную ситуацию наиболее близка респонденту. Были предложены три пассивных, один амбивалентный, и три активных варианта возможных реакций (пассивные убывают по степени пассивности, и активные нарастают по степени активности):

пассивные: «это его проблемы, надо думать – в чем участвуешь», «студент, конечно, выразил свою позицию, это его право, но он должен быть готов к последствиям», «никто не должен быть отчислен за свою гражданскую позицию, я надеюсь, всё разрешится благополучно даже без моего вмешательства»;

амбивалентная: «никто не должен быть отчислен за свою гражданскую позицию, я лично готов (-а) морально поддержать нашего товарища по группе»;

активные: «я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы через средства массовой информации, социальные сети, блог, и т.п.», «я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы в деканате и в ректорате», «я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы через митинги протеста, пикеты, голодовки, и прочие акции».

Как выяснилось, большинство опрошенных студентов отдали бы предпочтение пассивным реакциям – 70% в сумме у юношей, и 62% в сумме – у девушек. Меньше четверти опрошенных в каждой группе выбрали бы амбивалентную реакцию – 20% юношей и 24% девушек. К

активным формам защиты своего одноклассника прибегли бы только 10% юношей и 14% девушек, причем это, преимущественно, «мягко» активная форма – готовность «отстаивать его право на продолжение учебы через СМИ, соц. сети, блог, и т.п.». Готовность к наиболее жестким формам защиты своего товарища практически не обнаружена – только две девушки, или 4% от числа опрошенных из прекрасной половины студенчества, ответили, что могли бы отстаивать права своего одноклассника в деканате и ректорате (табл. 26).

Таблица 26

Возможные реакции на предложенную ситуацию (% и число респондентов)

Table 26

**Possible reactions to the proposed situation
(% and number of respondents)**

Тип реакции	Вид реакции	М	Ж
Пассивные	Это его проблемы, надо думать – в чем участвуешь	-	4 (2)
	Студент выразил свою позицию, это его право, но он должен быть готов к последствиям	30 (12)	24 (12)
	Никто не должен быть отчислен за свою гражданскую позицию, я надеюсь, всё разрешится благополучно даже без моего вмешательства	40 (16)	34 (17)
Амбивалентная	Никто не должен быть отчислен за свою гражданскую позицию, я лично готов (-а) морально поддержать нашего товарища по группе	20 (8)	24 (12)
Активные	Я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы через СМИ, соц. сети, блог, и т.п.	10 (4)	10 (5)
	Я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы в деканате и в ректорате	-	4 (2)
	Я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы через митинги протеста, пикеты, голодовки, и прочие акции	-	-

При сопоставлении возможных реакций с уровнем личностной эмпатии, выяснилось, что студенты с низким уровнем эмпатии склонны защищать права своего товарища в наименьшей степени. Все респонденты – представители данной подгруппы не вышли за пределы третьей формы пассивных реакций. Подгруппа юношей со средним уровнем личностной эмпатии большей частью сосредоточилась на третьей форме (пассивной) реакции – 50% представителей данной подгруппы. 25% выбрали амбивалентную форму, и 11% – «мягкую» активную форму. Респонденты с высоким

уровнем эмпатии равномерно (по 1 человеку) распределились между двумя пассивными, амбивалентной, и двумя активными формами возможных реакций. Схожая ситуация и в женской выборке – опрошенные с низким уровнем эмпатии (3 чел.) сосредоточились на пассивных формах реакции (100%); респонденты со средним уровнем эмпатии включили в пассивные (70%) и амбивалентную форму (30%), но не перешагнули её; представители подгруппы с высоким уровнем эмпатии сориентировались на две пассивных (41%), амбивалентную (18%), и две активных формы реакции (41%) (табл. 27).

Таблица 27

Реакции на ситуацию в сопоставлении с уровнем эмпатии (% и число респондентов)

Table 27

Reactions to the situation in comparison with the level of empathy (% and number of respondents)

Вид реакции	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Это его проблемы, надо думать – в чем участвуешь	-	-	-	-	7 (2)	-
Студент выразил свою позицию, это его право, но он должен быть готов к последствиям	25 (1)	14 (4)	87 (7)	6 (1)	30 (9)	67(2)
Никто не должен быть отчислен за свою гражданскую позицию, я надеюсь, всё разрешится благополучно даже без моего вмешательства	25 (1)	50 (14)	13 (1)	35 (6)	33 (10)	33 (1)
Никто не должен быть отчислен за свою гражданскую позицию, я лично готов (-а) морально поддержать нашего товарища по группе 8М, 12Ж	25 (1)	25 (7)	-	18 (3)	30 (9)	-
Я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы через СМИ, соц. сети, блог, и т.п.	25 (1)	11 (3)	-	29 (5)	-	-
Я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы в деканате и в ректорате	-	-	-	12 (2)	-	-
Я готов (-а) отстаивать его право на продолжение учебы через митинги протеста, пикеты, голодовки, и прочие акции	-	-	-	-	-	-

Другими словами, высокий и средний (самый распространенный) уровень личностной эмпатии до известной степени соотносится с проектируемым намерением вступить за права члена своего коллектива, но в ограниченных пределах – наиболее серьезные формы защиты не рассматриваются нашими респондентами в качестве целесообразных. Защищать готовы, но «в разумных пределах», не предполагающих активное личное вовлечение в ситуацию. В принципе, данный факт коррелируется и с приведенными выше данными о нормо-доминанте во взаимоотношениях в рамках группы, согласно которым превалирует норма индивидуализма. Характерно, что солидаризационные мотивации оказались в меньшей степени свойственны представителям мужской части выборки, что проявилось и в представлениях о нормо-доминанте, и в данных ситуационного анализа.

Особенности солидарности в рамках семьи как социального сообщества

Ещё одним элементом горизонтального вектора консолидации является, помимо сверстников-однорукников, семья. Нами выяснялись: степень осведомленности о судьбе ближайших предков (что призвано было ответить на вопрос о состоянии межпоколенческой преемственности), и отношение к жизненному

опыту старших членов семьи (преемственность мировосприятия) – всё в сопоставлении с зафиксированным уровнем личностной эмпатии.

На вопрос о том, «Как много вы знаете о жизни и судьбе своих предков?», были получены следующие ответы. О самых близких предках – дед / бабушка – «совсем ничего не знают» 12% опрошенных юношей. «В общем, не знают» – 32% юношей и 18% девушек, «в общем, знают» 28% респондентов мужского пола, и 24% – женского, и «знают много» 28% юношей и 58% девушек. Прадед / прабабушка, естественно, менее узнаваемы – «знающих много» об этих своих предках не обнаружилось совсем. «В общем знают» что-то о них 10% юношей и 34% девушек. «В общем, не знают» о них 25% в мужской подгруппе, и 34% – в женской, «совсем ничего не знают» о прадеде и прабабушке 65% мужской аудитории, и 32% – женской. Логично, что жизнь и судьба прапрадеда и прапрабабушки остается практически сплошной тайной для опрошенной студенческой молодежи. Утверждают, что «в общем, знают» о них лишь 6% представительниц женской аудитории. Признались, что «в общем, не знают» об этом поколении своих предков 70% юношей и 30% девушек, сказали, что «совсем ничего не знают» о них 30% студентов и 64% студенток (табл. 28).

Таблица 28

Как много вы знаете о жизни и судьбе своих предков? (% и число респондентов)

Table 28

How much do you know about the life and fate of your ancestors? (% and number of respondents)

Предки	Степень осведомленности							
	Знаю много		В общем знаю		В общем, не знаю		Совсем ничего не знаю	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Дед / бабушка	28 (11)	58 (29)	28 (11)	24 (12)	32 (13)	18 (9)	12 (5)	-
Прадед / прабабушка	-	-	10 (4)	34 (17)	25 (10)	34 (17)	65 (26)	32 (16)
Прапрадед / прапрабабушка	-	-	-	6 (3)	70 (28)	30 (15)	30 (12)	64 (32)

Вполне вероятно, что уровень личностной эмпатии и осведомленность о жизни ближайших предков могут быть связаны только условно. В конце концов, человек узнает о них, прежде всего, из семейных рассказов, «легенд» и воспоминаний. Если эти «легенды» не проговариваются вообще, или звучат крайне редко, осведомленность о жизни предшествующих поколений семьи будет соответствующей, несмотря на уровень личностной эмпатии, носителем которой данный человек является. Вместе с тем, представляется достаточно логичным и предположение о том, что личность с низким уровнем эмпатии должна быть наименее склонна к восприятию этих семейных «легенд», даже если они звучат достаточно часто.

Посмотрим на полученные нами сопоставительные данные. Наибольшую осведомленность проявляют, все-таки, респонденты с высоким и средним уровнем

личностной эмпатии – именно в этих подгруппах «знают много» и «в общем, знают» о жизни и судьбе деда / бабушки, прадеда / прабабушки. Суммарно по этим критериям о деде / бабушке осведомлены у юношей – 100% респондентов с высоким уровнем эмпатии, и 64% со средним уровнем; у девушек – 100%, обладающих высокой эмпатией, и 80% – со средней. О прадеде / прабабушке имеют хорошее представление («в общем, знаю») у юношей – 100%, и у девушек – 100% носителей высокого уровня эмпатии. Характерно, что респонденты, обладающие низким уровнем личностной эмпатии одинаково плохо осведомлены как о судьбе отдаленных предков, так и о жизни предков близких – дедов и бабушек. Вместе с тем, большинство опрошенных, включая самую многочисленную подгруппу со средним уровнем эмпатии, все-таки, практически в неведении относительно жизни и судьбы поколений семьи, предшествующих их дедам и бабушкам (табл. 29).

Таблица 29

Осведомленность о жизни и судьбе предков в сопоставлении с уровнем эмпатии (% и число респондентов)

Table 29

Awareness of the life and fate of ancestors in comparison with the level of empathy (% and number of respondents)

Предки	Степень осведомленности	Уровень эмпатии					
		М			Ж		
		Высок.	Средн.	Низк.	Высок.	Средн.	Низк.
Дед / бабушка	Знаю много	100 (4)	25 (7)	-	82 (14)	50 (15)	-
	В общем знаю	-	39 (11)	-	18 (3)	30 (9)	-
	В общем, не знаю	-	36 (10)	37 (3)	-	20 (6)	100 (3)
	Совсем ничего не знаю	-	-	63 (5)	-	-	-
Прадед / прабабушка	Знаю много	-	-	-	-	-	-
	В общем знаю	100 (4)	-	-	100 (17)	-	-
	В общем, не знаю	-	36 (10)	-	-	57 (17)	-
	Совсем ничего не знаю	-	64 (18)	100 (8)	-	43 (13)	100 (3)
Прапрадед / прапрабабушка	Знаю много	-	-	-	-	-	-
	В общем знаю	-	-	-	18 (3)	-	-
	В общем, не знаю	75 (3)	78 (22)	37 (3)	29 (5)	33 (10)	-
	Совсем ничего не знаю	25 (1)	22 (6)	63 (5)	53 (9)	67 (20)	100 (3)

Таким образом, некоторая осторожная корреляция между уровнем личностной эмпатии и межпоколенческой связью, на наш взгляд, все-таки может быть зафиксирована. Как же воспринимаются молодыми людьми опыт их ближайших предков – родителей? Для выяснения этого, был задан вопрос «Насколько значим и авторитетен для вас жизненный опыт ваших родителей?». Ответы сгруппировались следующим образом. Вариант «Значим настолько, что я следую их принципам жизни» выбрали всего 5% юношей и 14% девушек. Вариант «В общем, значим, но я следую их принципам жизни не всегда» показался наиболее соответствующим 30% студентов и 50% студенток. Негативный вариант «В общем, не значим, я практически не следую их принципам жизни» сочли близким 55% респондентов мужского, и 20% – женского пола. Наконец, вариант крайнего отрицания «Совсем не значим, я следую совершенно другим принципам жизни» был выбран 10% юношей и 16% девушек (табл. 30).

Таким образом, юноши, из которых суммарно 35% выбрали первые два «позитивных» варианта, очевидно, настроены более критично и менее лояльно к жизненному опыту родителей, нежели девушки, из числа которых сделали тот же выбор в сумме 64%.

Таблица 30

Насколько значим и авторитетен для вас жизненный опыт ваших родителей? (%)

Table 30

How important and authoritative is the experience of your parents for you? (%)

Степень значимости	М	Ж
Значим настолько, что я следую их принципам жизни	5 (2)	14 (7)
В общем, значим, но я следую их принципам жизни не всегда	30 (12)	50 (25)
В общем, не значим, я практически не следую их принципам жизни	55 (22)	20 (10)
Совсем не значим, я следую совершенно другим принципам жизни	10 (4)	16 (8)

Посмотрим, как соотносятся между собой отношение к жизненному опыту родителей и выявленные уровни эмпатии. Прежде всего, очевидно, что жизненный опыт родителей наиболее значим для респондентов с высоким уровнем личностной эмпатии. Суммарно по 100% респондентов данной подгруппы и у юношей и у девушек выбрали варианты полной значимости и общей значимости жизненного опыта родителей. «В общем, не значим» и «совсем не значим» этот опыт – для респондентов-юношей со средним и низким уровнем эмпатии – 72 и 75% соответственно. У девушек эти показатели составили 54 и 67% соответственно. В то же время, «в общем, значим» этот опыт для 28% юношей и 36% девушек-респондентов со средним уровнем развития эмпатии (табл. 31).

Таблица 31

Значимость жизненного опыта родителей в сопоставлении с уровнем эмпатии (% и число респондентов)

Table 31

The significance of parents' life experience in comparison with the level of empathy (% and number of respondents)

Степень значимости	Уровень эмпатии					
	М			Ж		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Значим настолько, что я следую их принципам жизни	50 (2)	-	-	23 (4)	10 (3)	-
В общем, значим, но я следую их принципам жизни не всегда	50 (2)	28 (8)	25 (2)	77 (13)	36 (11)	33 (1)
В общем, не значим, я практически не следую их принципам жизни	-	70 (19)	37,5 (3)	-	27 (8)	67 (2)
Совсем не значим, я следую совершенно другим принципам жизни	-	2 (1)	37,5 (3)	-	27 (8)	-

Таким образом, если высокий уровень эмпатии респондентов явно коррелируется со значимостью жизненного опыта родителей, то уже средний уровень такой корреляции, в целом, не дает. Ориентация на горизонтальный вектор консолидации в рамках семьи, тем самым, не является выраженной. Скорее, мы наблюдаем обратное – доминирующую тенденцию на

отрицание ценности и значимости для выстраивания собственных жизненных стратегий опыта старшего поколения, что, в свою очередь, говорит и о проблематизированной межпоколенческой связи, и о редукции солидарности в пределах семьи как микросоциального сообщества.

Выводы.

Итак, можно констатировать следующее:

1. Подгруппы респондентов, продемонстрировавших (через методику Меграбяна – Эпштейна) высокий уровень личностной эмпатии, проявили четкую и преимущественную ориентацию на макросоциальную консолидацию.

2. Подгруппы респондентов, в которых был зафиксирован средний уровень личностной эмпатии, обнаружили готовность к консолидации как с макросоциальными, так и с микросоциальными структурами, но с преобладанием последних.

3. Подгруппы респондентов, в которых был зафиксирован низкий уровень личностной эмпатии, продемонстрировали готовность к консолидации, прежде всего – с микросоциальной группой значимых сверстников.

Тем самым, развитая личностная эмпатия очевидным образом коррелирует с ориентацией на макросоциальную консолидацию. В то же время, личностная эмпатия низкого уровня вполне отчетливо сопровождается ориентацией на солидарности микроуровня. Возможно, среди причин обнаруженных зависимостей должен присутствовать тот или иной уровень рефлексивности субъекта, обуславливающий ту или иную степень личностной эмпатии, и, соответственно, ту или иную ориентацию социальной солидарности.

В отношении доминирующей в сознании нормы общественных отношений – «взаимопомощь» наблюдается известный консенсус – уровень личностной эмпатии респондента практически совпадает с нормой-доминантой. Высокий и средний уровни эмпатии корреспондируют с конструктивной и интегративной нормой «взаимопомощь», в то время как низкий уровень личностной эмпатии явно соотнесен с деструктивной и дезинтеграционной нормой «каждый сам за себя». Характерно и то, что норма «взаимопомощь» определяется, скорее, как должное, нежели как сущее – реальность довольно серьезно расходится с этой нормативной установкой, которая, одновременно, сохраняет свою устойчивость и привлекательность. Другими словами, взаимопомощь всё ещё является нормой отношений между людьми для большинства наших респондентов. Соответственно, текущее положение дел в данной системе общественных отношений воспринимается в качестве не

нормального, то есть, молодые люди признают, что в реальных отношениях доминирует антитеза – принцип «каждый сам за себя». Налицо явное рассогласование между нормой в коллективных представлениях и социальной фактичностью.

Высокий и средний (самый распространенный) уровень личностной эмпатии до известной степени соотносится с проектируемым намерением вступить за права члена своего коллектива, но ограниченно – наиболее серьезные формы защиты не рассматриваются нашими респондентами в качестве целесообразных. Другими словами, защищать готовы, но «в разумных пределах», не предполагающих активное личное вовлечение в ситуацию.

Если высокий уровень эмпатии респондентов явно корреспондируется со значимостью жизненного опыта родителей, то уже средний уровень такой корреляции, в целом, не дает. Ориентация на горизонтальный вектор консолидации в рамках семьи, тем самым, не является выраженной. Скорее, мы наблюдаем обратное – доминирующую тенденцию на отрицание ценности и значимости для выстраивания собственных жизненных стратегий опыта старшего поколения, что, в свою очередь, говорит и о проблематизированной межпоколенческой связи, и о редукции солидарности в пределах семьи как микросоциального сообщества.

Обращает на себя внимание и то, что женская часть нашей аудитории, продемонстрировала, в целом, более высокий уровень эмпатии, более развитые солидаристские тенденции, включая уровень эмпатического присоединения как к макро-, так и к микроструктурам.

Главный вывод, который можно сделать на основании нашего исследования – современной молодежи (по крайней мере – в обследованных группах) всё более присуща черта выраженного индивидуализма. Степень ориентации как на вертикальный, так и на горизонтальный векторы консолидации слаба даже в подгруппах респондентов – носителей высокого и среднего уровня эмпатии. Молодежь практически не консолидируется с макроструктурами, и консолидируется достаточно слабо со структурами микроуровня. То есть, значимой и серьезной мотивации социальной солидарности как с макросообществами, так и с сообществами микроуровня в обследованной студенческой аудитории выявлено не было, и степень консистентности социальной солидарности в

обследованной молодежной аудитории необходимо признать низкой.

Учитывая, что специфику адаптации, как правило, задает среда, вряд ли стоит возлагать на молодежь всю вину за столь явно торжествующий в её жизненных стратегиях и ориентациях социальный индивидуализм.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

Литература

1. Кармадонов О.А., Зверев М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
2. Панкова М.В. Особенности эмпатии больных неврозами: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 22 с.
3. Урсулёнок К.В. Методика измерения социальной солидарности в украинском обществе. Проверка теории с помощью метода моделей линейных структурных уравнений // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 3. С. 126-157.
4. Fromm E., Maccoby M. *Social Character in a Mexican Village*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1996. 303 p.
5. Hoffman M.L. *The Contribution of Empathy to Justice and Moral Judgment// Empathy and its Development* [ed. by N. Eisenberg and J. Strayer]. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 406 p.
6. Irvin K., McGrimmon T., Simpson B. *Sympathy and social order // Social Psychology Quarterly*. 2008. Vol. 71, № 4. Pp. 379-397.
7. Kanagawa Ch., Cross S.E., Markus H.R. «Who Am I?» *The Cultural Psychology of the Conceptual Self // Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. № 27. URL: <http://www.sagepub.com/dimensionsofmulticulturalcourse/lingstudy/articles/section1/Article32.pdf> (дата обращения: 20.05.2017).
8. Mehrabian A., Epstein N. A measure of emotional empathy // *Journal of Personality*. 1972. Vol. 40, № 4. Pp. 525-543.
9. Molm L.D. The structure of reciprocity // *Social psychology quarterly*. 2010. Vol. 73, № 2. Pp. 119-131.
10. Staub E. *The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 336 p.

References

1. Karmadonov O., Zverev M. *Consolidation of Russian Society: Streams and Obstacles*. Irkutsk: ISU Publishing, 2012. 223 p. *Russian*.
2. Pankova M.V. *Features of the empathy of patients with neuroses: Dis. of Psychology Sciences*. Saint Petersburg, 2003. 22 p. *Russian*.
3. Ursulenko, K.V. *Methodology for measuring social solidarity in Ukrainian society. Verification of the theory using the method of models of linear structure equations. Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 2009. № 3. Pp. 126-157. *Russian*.
4. Fromm E., Maccoby M. *Social Character in a Mexican Village*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1996. 303 p.
5. Hoffman M.L. *The Contribution of Empathy to Justice and Moral Judgment. Empathy and its Development* [ed. by N. Eisenberg and J. Strayer]. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 406 p.
6. Irvin K., McGrimmon T., Simpson B. *Sympathy and social order. Social Psychology Quarterly*. 2008. Vol. 71, № 4. Pp. 379-397.
7. Kanagawa Ch., Cross S.E., Markus H.R. «Who Am I?». *The Cultural Psychology of the Conceptual Self. Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. № 27. URL: <http://www.sagepub.com/dimensionsofmulticulturalcourse/lingstudy/articles/section1/Article32.pdf> (date of access: 20.05.2017).
8. Mehrabian A., Epstein N. A measure of emotional empathy. *Journal of Personality*. 1972. Vol. 40, № 4. Pp. 525-543.
9. Molm L.D. The structure of reciprocity. *Social psychology quarterly*. 2010. Vol. 73, № 2. Pp. 119-131.
10. Staub E. *The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 336 p.

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета.

Ковригина Галина Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета.

Oleg A. Karmadonov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Irkutsk State University.

Galina D. Kovrigina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University.